

Лишь во второй половине октября стало наконец попрохладней.

Отстроенное школьное общежитие все сверкало чистотой и новизной, и возможность жизнь в нем даже в некоторой степени тешила самолюбие.

Меня поселили в трехместной комнате. Двое с первого класса и один со второго. Со своим одноклассником Хироюки Исии мы моментально нашли общий язык, а вот Кэйскэ Кага из второго класса отличался неразговорчивостью, и подобщаться к нему было сложно. С нами он почти не общался, вечно в одиночестве читал мангу под музыку из наушников. Хотя, уж лучше так, чем иметь дело с задранным нос сэмпаем.

Школьное общежитие — место особое, из-за сложных взаимоотношений между большим числом его обитателей здесь могут как зародиться крепкие братские узы, так и найтись немало поводов для травли, но с нашим поколением положение дел изменилось. Стало много таких крайне нелюбимых ребят, как Кага. Травить они тебя не будут, но и помочь не помогут. Им плевать на других, и хотят они лишь одного: чтобы их оставили в покое. Понятно, что круг их общения сильно ограничен.

— Я слышал, в нашей общежитской столовой кормят получше многих школ района, — сказал за ужином Исии.

— Хм, да что ты.

Может, это и правда так, подумалось мне. Но здешняя пища не шла ни в какое сравнение с домашней едой Рурико-сан.

Сейчас я понимаю, почему у Рурико-сан получалось так вкусно готовить. Она вкладывала в это душу.

— Рури-Рури мечтала открыть небольшой ресторанчик. Она обожала готовить. Но умерла прежде, чем ее мечта осуществилась, и, видимо, именно это незаконченное дело удержало ее в этом мире, — поведал мне как-то Поэт, и в тот момент белые руки Рурико-сан показались мне преисполненными печали.

После того как Рурико-сан, намереваясь наконец открыть свой ресторанчик, ушла из ночного клуба, где она развлекала посетителей, ее убил один из бывших назойливых клиентов. Он расчленил ее, и, говорят, большую часть тела до сих пор не нашли.

Для так и не исполнившей мечту Рурико-сан последним, что она увидела перед смертью, стали ее собственные руки. В них она сконцентрировала все свое существо. Я немедленно спросил у Рурико-сан:

— А вы не хотите отправиться на небеса?

В ответ Рурико-сан написала на листочке: «Моя мечта сбылась, сейчас я очень счастлива».

Даже став нежитью, она может заниматься любимым делом и слушать, как мы с Акинэ-тян без остановки нахваливаем ее стряпню. Для Рурико-сан нет большего счастья. Приготовленная ею еда потому получается такой вкусной, что каждое блюдо является воплощением ее мечты. Все они пропитаны ее желанием, чтобы их съели с удовольствием.

В школьном общежитии за столовую отвечали три женщины в возрасте от сорока до пятидесяти. Все опытные поварихи. Готовят бесспорно хорошо и вообще приятные в общении, но все же это их работа. Для своих родных они, понятное дело, готовят иначе. Но живущим в общежитии ученикам это и не нужно. Нынешние подростки не любят, когда лезут в их дела, и общаться с поварами они не желают. Они точно, сами того не замечая, посылают им мысленные сигналы: «Ваше дело — кухарить, во все остальное нос свой не суйте. Отработали — уходите». С чего бы поварихам готовить с любовью.

Слыша обрывки разговоров других ребят, как они встретили на улице кого-то из поварих, но, естественно, сделали вид, что они не знакомы, глядя на точно закрывшегося в раковине Кагу, мне иногда становилось страшно не по себе. Нечто похожее я испытывал в пору жизни в доме дяди Хироси, когда на сердце будто наваливалась тяжесть.

Мои родители не были особо разговорчивыми людьми. А папа вообще был человеком молчаливым, который за весь обед или ужин мог не произнести и слова.

«Но... они всегда внимательно меня выслушивали», — вспомнилось мне вдруг далекое прошлое.

Даже не разговаривая, между нами всегда существовало взаимопонимание. Чувствовалась связь. Поэтому молчание папы никогда не вызывало неприятных эмоций. Ни я, ни папа, ни мама не пытались выстроить вокруг себя стену.

Но так было, потому что мы были одной семьей?

Лишь поэтому?..

Безумная череда школьных мероприятий миновала, и темп учебы и жизни наконец пришел в норму. Утренний воздух приятно холодил кожу.

Однажды...

Мне вдруг захотелось без всякого повода наведаться в Особняк нежити.

Сворачиваю с плавно уходящей вверх по склону дороги в узкий проулок между домами.

За старым крошащимся каменным забором меня встретило общежитие «Котобуки». Облепивший стены плющ и деревья в саду пестрели красными и желтыми осенними листьями. Распустились цветы, за которыми так старательно ухаживает Ямада-сан, но среди них больше нет «пришельцев» из других сезонов, одни лишь ширококолокольчики и другие осенние цветы покачивали бутонами.

Вхожу через открытые нараспашку двери и останавливаюсь в прихожей.

Никого. Нет Поэта, практически никогда не покидающего общежитие, хотя, может, как раз сегодня он куда-то ушел, но и без него во всем особняке ни души. Ни в гостиной, ни в столовой, ни в коридорах. Не было ни обожающих маджонг óни, ни Рурико-сан, ни Судзуки-сан, ни Буси, ни Белы.

Я, не произнеся ни слова, покинул особняк. Мне уже, в принципе, было все ясно.

Отправившись к станции «Таканодай Хигаси», я не нашел рядом с прокатом видеокассет «Агентства недвижимости Маэды». Сама маленькая пристройка-магазинчик оставалась на месте, но выглядела она так, будто в нее уже много лет никто не заходил.

По дороге назад в школьное общежитие я пробормотал себе под нос:

— Я уже стал человеком этого мира...

Даже побыв совсем недолгое время в «другом мире», я в итоге вернулся к прежней реальности. Как и планировал с самого начала. И именно в этой реальности я собираюсь жить дальше. О той, другой, можно со спокойной душой забыть.

«Дверь открывается лишь тем, кто в этом нуждается...»

Так, наверное, и забываются все те, с кем ты когда-то жил под одной крышей. Потому что они не влияют на твое настоящее. Потому что воспоминания о них не приносят никакой пользы.

«И пускай. Если так я проживу в этом мире», — подумал я, и мне вдруг ужасно захотелось увидеться с Хасэ. Стоит мне зайти в телефонную будку и позвонить ему на мобильный, и он тут же вскочит на свой мотоцикл и примчится. Наверняка.

— Ты чего, Инаба? Чего рожа, как у умирающего?

И он бы точно врезал мне разок по морде. Как же мне этого хотелось.

Но нельзя. Он сейчас очень занят. Хасэ собирается в следующем триместре войти в состав школьного совета, готовит почву для прихода к официальной власти.

Крепко сжимаю пальцами подаренный Антикваром медальон с волосом Рю-сана. Изо всех сил. Он со мной. Никуда не исчез. Вот же, прямо в моей руке...

Из груди вырвался такой протяжный вздох, что удивительно, как только душа не покинула мое тело. Я поднял глаза к вечернему небу, где тускло светил лунный полукруг.

Такэнака с того памятного дня что в классе, что в общежитии всеми силами старался не встречаться со мной взглядом. Разговаривать тоже отказывался. Случившееся явно сильно его потрясло, но общаться со своими друзьями-гопниками он, похоже, не перестал. Поведение его все ухудшалось. Ни в культурном, ни в спортивном фестивалях он участия не принимал.

Однажды я увидел в вестибюле общежития Такэнаку с разбитым лицом.

— Эй, ты в порядке? — спросил я.

Но в ответ услышал лишь короткое:

— Не твое дело. Не строй из себя добренького.

Его голос звенел от ненависти, страха, заискивания и других негативных эмоций. Мне ничего не оставалось, кроме как молча остаться там, где я стоял.

Скорее всего, любые мои слова он бы воспринял в штыки. С некоторыми людьми просто невозможно договориться. Это только в идеальном мире до любого можно достучаться. Так я думал, глядя на Такэнаку. И хотя это очень грустно осознавать, не в моих силах было что-то изменить.

Такэнака стал все чаще прогуливать уроки, пока его в конце концов не отчислили.

Учебная страда продолжалась в заданном ритме, тот факт, что в классе стало на одного ученика меньше, никак на него не повлиял.

С приближением конца года мысли всех сконцентрировались на итоговых тестах триместра, Рождестве, планах предновогодних вечеринок и возвращении домой. Я был не исключение. Успев хорошо зарекомендовать себя на подработке, я, вместо того чтобы справлять Рождество или веселиться на предновогодней вечеринке, либо сидел в кабине грузовика, либо переводил дух в комнате отдыха в компании потных мужиков. Приятно, конечно, что я пришелся начальнику по душе, но его предложения на тему «Бросай школу и нанимайся ко мне!» всякий раз ставили меня в тупик.

Со временем стало казаться, что Такэнаки никогда и не было.

Эта мысль меня шокировала. Я и не заметил, как с головой ушел в рутинную повседневность.

Не превращусь ли я такими темпами в одно из множеств безликих лиц из толпы? Не решу ли, что «в наше время по-другому никак», и не стану ли подобием Каги? Меня охватила тревога.

У меня есть друзья. И в школе, и в общежитии никаких проблем. Я занимаюсь в клубе, хожу на подработку, каждый мой день насыщен и интересен — в этом никаких сомнений. Но подчас, замирая и точно смотря на свою жизнь со стороны, мне начинало казаться, будто я совершенно забыл о своем внутреннем мире.

Я попробовал поговорить на эту тему с ребятами в классе и из клуба. Но стоило мне высказать им свои мысли, и у всех появлялось на лице одно и то же непонимающее выражение.

— Другими словами, ты не хочешь становиться таким, как Кага-сэмпей?

— М-м... Нет, не в этом дело...

— По сравнению с сэмпаями из спортивных секций Кага-сан еще ничего.

— Люди все разные.

— Я не спорю, но...

— Ты просто хочешь думать, что чем-то отличаешься от остальных, так?

Мы точно говорили на разных языках. Признаю, мне самому было сложно сформулировать свою тревогу, но чем дольше я говорил с одноклассниками и товарищами по клубу, тем отчетливее понимал. Обсуждения не получалось. Ни с одним из них мне не удалось поговорить так, чтобы это было с толком, обстоятельно, с обменом мнениями. Разговор перескакивал с темы на тему, не успев обсудить одно, тут же переключались на что-то другое. Меня это сильно смущало. Но лишь одного меня, все остальные, похоже, считали это нормой.

«С таким отношением, даже если захочешь поделиться чем-то наболевшим, не получится...» — подумал я, но, кто знает, может быть, это я со своими нудными размышлениями и желанием ими поделиться вызывал у них тоску и отторжение?

Я решил больше не говорить о себе. Буду, как все, болтать о пустяках.

Но прошло несколько дней...

Когда я вернулся к себе в комнату, меня встретил злой взгляд Каги.

— Ты обо мне гадости рассказываешь?!

— Что?

— Что и когда я тебе сделал?!

Судя по всему, слухи о моем упоминании в разговоре Каги, обрастая по пути выдуманными подробностями, докатились до самого сэмпая.

— Это не так! Сэмпай, вы неправильно поняли!

Я в панике попытался немедленно объясниться, но Кага с того дня лишь глубже ушел в свою раковину. Его отношение меня напрягало, да и сам факт того, что кто-то передал ему мои слова, исказив при этом их смысл, радости не вызывал.

Дни шли своим чередом.

Скучным, ничем не примечательным чередом.

С наступлением зимних каникул большая часть учеников разъехалась по домам, и в общежитии стало как-то особенно тихо, а из-за его новизны еще и невыразимо одиноко и холодно.

Я только и делал, что работал дни напролет, попросился на дополнительные смены еще и перед и после Нового года, так что мой единственный выходной выпадал на первое января. С таким расписанием на глубокие раздумья ни времени, ни душевных сил не оставалось.

31 декабря.

Работа закончилась неожиданно рано, чуть позже шести вечера. В честь праздника кроме зарплаты нам выдали еще и немного роскошнее, чем обычно, бэнто. Правда, содержимое его успело остыть, но учитывая, что общежитская столовая не работала, это было очень кстати.

В торговом районе было не протолкнуться из-за закупающихся на новогодние выходные людей. Отовсюду звучала музыка, слышались крики зазывал, по толпе скользили разноцветные огоньки гирлянд. Лавирую между семьями и парочками. Между груженными пакетами усталыми женщинами и мужчинами. Между счастливыми и не очень людьми. Все они по-разному пережили этот год.

Подходит к концу мой год. Сложно поверить, что прошло целых триста шестьдесят пять дней. Сложно поверить, что прошло всего триста шестьдесят пять дней.

Существовал ли на самом деле тот Особняк нежити?

Я правда прожил там полгода?

Лишь медальон с волосом Рю-сана, точно осколок сна, зажат в моей руке.

Когда-нибудь все пройдет и превратится в воспоминания... Я считал, что так и должно быть. Именно это происходит прямо сейчас. Но как не хочется в это верить.

Я сам не заметил, как застыл посреди тротуара, вынуждая всех меня обходить. Кто-то при этом специально задел меня плечом, и я покачнулся. А затем опять пошел, точно подхваченный людским потоком.

Перед входом в школьное общежитие под посыпавшими с неба редкими снежинками стоял человек.

— Хасэ!..

— Йоу, Инаба! Наконец-то ты вернулся! — успевший подмерзнуть Хасэ переступил с ноги на ногу. Нос покраснел. Сколько же он тут стоит?

— Что ты?..

— Да в чем проблема? Ты будто привидение увидел.

— Но ты же... поехал с семьей кататься на лыжах...

— А-а. Я не поехал. Систер выдала, что потащит с собой парня, а мне больно надо слушать, как она ему дифирамбы петь будет, — знакомо усмехнулся Хасэ. — Ты ж завтра выходной? Встретим Новый год вместе. Я тут нашел один малоизвестный храм, сходим туда на хацумодэ.

Голос мне отказал. Я просто тупо стоял столбом.

— О, чего это у тебя? О-о, бэнто! Да еще новогодний, живем!

Все мои силы уходили на то, чтобы держаться, иначе колени грозили превратиться в желе. Сердце ныло, и хотелось плакать.

Плачь. Плачь, когда хочется.

Но слезы не шли.

Хасэ положил обе свои руки на мои, держащие бэнто, и сказал:

— Я схожу, куплю в том супермаркете одэн. А то я тут пока мерз, мне до жути захотелось одэна. Заодно и горячего чая с кофе принесу.

У нас обеих руки были ледяные. Я молча кивнул.

Исходящий паром одэн был таким вкусным, что, казалось, заполнил собой весь живот. Под холодный бэнто и сладости я наконец вдоволь смог наговориться с Хасэ. И о всяких глупостях, и о по-настоящему важных вещах. С Хасэ я мог обсудить абсолютно все и не боялся остаться непонятым.

По мере того как я выкладывал ему, что успело накопиться, я чувствовал, как меня отпускает напряжение. Похоже, мне очень нужно было выговориться, хотя сам я этого не осознавал.

«А ведь в особняке я постоянно с кем-то говорил. С Иссики-саном, с Акинэ-тян...»

Во время разговоров с обитателями особняка мы друг друга понимали. Как мы с Хасэ сейчас. Не просто слушали другого человека, а высказывали свои мысли, сопоставляли, обменивались информацией. Вот. Это и есть настоящее общение.

— Твоя правда, мало людей, с кем можно действительно пообщаться. На лицо отрицательные

последствия погони за оценками, строгого следования правилам и переизбытка информации, — высказался Хасэ.

— Что, даже в твоей школе для очень умных с этим проблемы?

— Ум тут ни при чем. Дело не в знаниях, а в умении их применять. Полно таких, которые по оценкам в топе, а даже поздороваться толком не могут, и это бесит. По сравнению с ними председатель спортивного комитета из соседней школы хоть умом и не блещет, зато имеет настоящий авторитет среди местных хулиганов. Вот с кем в первую очередь стоит разобраться...

Видя, как на смену стандартной маски настоящего джентльмена приходит выражение злого гения, я обрадовался — он совсем не изменился! Не удивлюсь, если Хасэ, подмяв под себя всех власть имеющих, со временем взойдет на трон теневого мира. За этого парня уж точно можно не волноваться.

А за меня?

За меня стоит волноваться?.. Даже не знаю.

Проговорив до рассвета и проспав до полудня, мы на мотоцикле Хасэ погнали навстречу безжалостно хлещущему по нам морозному ветру. Настроение мое, понятное дело, резко пошло в гору. Хасэ под предлогом «Развеемся!», повез нас вдоль морского берега.

Погода отличная, синее-пресинее море сверкает. На небе ни облачка, солнце в зените. Воздух такой прозрачный, что видно далеко-далеко вокруг.

Полностью доверившись спине Хасэ, я бездумно смотрел на проносящийся мимо пейзаж, и мне казалось, будто встречный ветер очищает мое тело и душу. И ведь правда, давно я не был в таком ладу с самим собой. Вечно бы так ехал...

Покатавшись какое-то время, заглянув в разные места, мы совершили хацумодэ в обнаруженном Хасэ малоизвестном храме (настолько малоизвестном, что мы оказались единственными посетителями, и это первого января!). Омикудзи, купленное в стоящем в безлюдном офисе автомате, обещало «большую удачу».

— Кто поверит в «большую удачу» от храма, где и людей-то нет!

— Так это же и хорошо, меньше людей — больше удачи!

И мы оба покатались со смеху.

Солнце уже начало клониться к закату, когда я, насладившись вкусным набэяки-удоном и дзэндзаем — Хасэ угощал, — ощутил, что согрелся и телом, и душой.

— Ну пока, Инаба.

— Осторожней на дороге, Хасэ. И, это... спасибо за сегодня.

Из подтянувшихся к вечеру тонких облаков посыпал легкий снежок.

— Пиши чаще, понял? Не заставляй ждать.

— Угу...

Хасэ писал мне каждую неделю, а у меня все не находилось сил на ответ, так что в углу моего письменного стола успела скопиться целая пачка его писем. Для Хасэ письма были единственным способом поддерживать со мной связь, ведь мобильного у меня не было, и болтать по общежитскому телефону тоже особо не получится. Я это прекрасно понимал, и все равно...

— До встречи!

Мотоцикл Хасэ удаляется по прикрытой сумерками дороге. Разумеется, мы расстались не навсегда, но мне вдруг стало страшно одиноко.

«Мы так мало поговорили, Хасэ... Еще столько... так много хочется...»

С потемневшего неба падают снежинки. Одна за другой, одна за другой.

Зажглись уличные фонари, и на асфальте лениво вытянулась моя тень. На нее беззвучно укладывались снежинки.

— Ты понимаешь, Хасэ, мне... как-то не по себе... Мне кажется, с моей жизнью что-то не так. Но почему я вдруг стал так думать, чего именно мне не хватает — не знаю...

Упавший на асфальт шепот поглотил медленно подрастающий слой снега.